

ПО ЕГО ПРАВИЛАМ

МАША МАЛИНОВСКАЯ

Нарушая правила

Маша Малиновская

По его правилам

«Автор»

2021

Малиновская М.

По его правилам / М. Малиновская — «Автор»,
2021 — (Нарушая правила)

«Золотая девочка» Злата привыкла быть в центре внимания. А еще она ненавидит новенького – дерзкого парня из неблагополучного района, пытаюсь превратить его жизнь в ад. Их противостояние зашло слишком далеко, назад пути нет. Вот только она даже предположить не могла, что именно он станет между ней и тем кошмаром, что случится однажды...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Маша Малиновская

По его правилам

Маша Малиновская

* * *

Глава 1

Сентябрь, 2002 год

– Блин, Тань, аккуратнее! – я выдернула из её пальцев прядь своих волос. – Ты мне так кончики сожжёшь.

– Сорри, Златусь, я случайно плойку на двести градусов поставила. Просто я себе всегда на двести ставлю.

Не удивительно, она постоянно делает себе гофре на волосы. А на длине до плеч оно смотрится ужасно – солома, торчащая в стороны, ещё и пережжённая.

Закатив глаза, я перебросила волосы на правое плечо и посмотрела в зеркало. Определённо, заколка с голубыми камешками подойдёт. И стрелочки чуть подведу на веках, будет отлично.

Сегодня мы идём школу на наш последний Первый звонок. Волнительно. Форму, которую уже не носят постоянно, как в советское время, но которую традиционно надевают выпускницы, мы с мамой заказывали у швеи. И атласный фартук с двойным воланом с голубой вставкой. Такой будет только у меня. У Леськи Крупиной тоже вроде бы папа из Москвы привёз классный фартук, но с гипюрными вставками, а у меня полностью атласный, мне кажется, такой смотрится куда лучше. Банты надевать не буду, не нравится мне. Классная, конечно, говорила, чтобы все в гольфах белых и с бантами, но я ограничусь заколочкой.

– Злат, а ты губы красить будешь?

– Естественно.

– Блеском или помадой?

– Блеском, конечно, какая помада, я же глаза ярче покрасила.

Танька намазюкала губы своей жуткой розовой помадой, которая скатается по границе слизистой ещё из дома выйти не успеет, брызнула лаком на чёлку и бросила в рот подушечку мятной жвачки. Я тоже встала из-за туалетного столика, ещё раз посмотрела на себя, чтобы убедиться, что всем довольна.

– Злата, мы с папой чуть позже будем, заедем за фотографом. Аникиных заберём, они сегодня без машины. Линейка же в девять?

– Да, мам, но нам надо раньше. Пока построимся с первачками, пока Вера Васильевна в очередной раз смахнёт слезу, какие мы все взрослые.

Мы с Таней захихикали, вспомнив каждое первое сентября и слёзы нашей классной руководительницы. Единственный день, когда она улыбается и смотрит с теплотой. Второго сентября обычно случается нечто, что до конца мая включает в ней лютую горгону.

От моего дома до школы совсем недалеко. Минут десять неспешным шагом. Настроение у нас отличное. Каникулы хоть и закончились, но уныния нет. Настроение в этот день есть даже у тех, кто это отрицает. И сама атмосфера! Жаркое лето осталось во вчерашнем дне, а сегодня так по-осеннему прохладно, и в то же время достаточно тепло, чтобы не набрасывать кофту. Не жарко. Я терпеть не могу жару.

Младшеклассники идут с большими букетами, блестящая серебристая обёртка отсвечивает на солнце. У малышей-первоклассниц банты больше самой головы. Дети улыбаются, у многих нет сейчас передних зубов, и это так забавно.

Перед поворотом на школьную аллею я чуть расправила плечи. Внимание почти всей школы сейчас будет приковано ко мне. Потому что я – Злата Королёва, лидер школы, та, с которой хотят дружить и с которой совершенно не хотят ссориться.

Мы подошли к школе, нашли своих одноклассников. Сегодня впервые за последние четыре года я не буду вести линейку, потому что у выпускников почётное место по периметру школьного двора рядом с первоклассниками. Сейчас все соберутся, и мы войдём внутрь, где

нас построят в колонну, каждый возьмёт за руку малыша и поведёт его на его первый и свой последний Первый звонок. Волнительно.

– Привет, Злата! – девчонки из класса окружили нас с Таней, разулыбались.

Каждая из них хотела бы дружить со мной близко. Ну может кроме Сони Пантелеевой, эта просто серая молчаливая мышка. Вечно в одной и той же бесцветной кофточке вязаной, молчит, слова никогда не добьёшься, на каждой перемене в книжки свои утыкается.

– Ты мелирование сделала? Тебе идёт!

– Тебе Лена из лагеря не звонила вчера? Мне сказала, что не смогла дозвониться.

– Сегодня вечером всё в силе?

Девочки щебетали, смеялись, радовались встрече. Я повернулась и помахала парням, что столпились чуть дальше. Потом махнула немногочисленным «бэшкам», что стояли возле своей классной на другой стороне двора. Что-то меня зацепило, и тут как раз Мухина, непревзойдённая сплетница, выдала:

– А у «бэшек» новенький, видели?

– Ага, говорят из мироновских перевёлся. К чему уже, если тут год остался?

– Ну мало ли, Вик, может, семья переехала. Да и что тут плохого-то? Видела какой?

– Так он мироновский, Настя!

– Был мироновский, стал наш.

Настя Белова ослепительно улыбнулась и помахала прямо этому новенькому. Но он в ответ даже бровью не повёл, хотя Настя – просто кукла, а не девчонка. Стройная, фигуристая, высокая, с яркой рыжей копной на голове. Вообще-то, она подкрашивает хной, вряд ли бы её волосы стали настолько ярче сами по себе в последние два года.

– Ну, может, у него зрение не очень, – пожалала она плечами, не растерявшись.

– Или он тебя проигнорил, – я подняла бровь и слегка насмешливо посмотрела на подругу. – Тут расстояния метров пятнадцать. Либо он слепой как крот, либо просто забил.

Девчонки прыснули, а Настя скривилась.

– Ну ты как всегда, Златка.

Но на этом разговор закончился, потому что пришло время идти в школьный коридор и строиться, чтобы потом торжественно выйти с малышами.

«Бэшек» в этом году стало совсем мало. Объявили, что в этом учебном году наш регион также примет участие в эксперименте по сдаче единого выпускного экзамена, а это многих испугало. В прошлом году те, кто сдавал, сказали, что это очень сложно, многие не поступили в вузы. 11-Б и так был немногочисленным, все более-менее сильные ученики ещё после девятого перешли в наш класс. А после десятого ушло ещё четверо поступать на базе девятого в колледжи и техникумы. Разговоры о том, что наши классы сольют, ещё в десятом ходили. А теперь, когда их и осталось-то человек восемь вместе с этим новеньким, то, скорее всего, так и будет.

В коридоре началась суeta, привели первоклассников с огромными перепуганными глазами, классные руководители одиннадцатых классов стали распределять, кто за кем будет идти. Меня Вера Васильевна поставила последней в нашем классе. Самое выгодное место. Когда растянемся по периметру школьного двора, я как раз буду в центре. Там сзади клён такой красивый, фотки будут отличные.

Сзади выстроили «бэшек», новенький как раз оказался за мной. В общей суete он казался абсолютно спокойным, будто всё это действие его совершенно не касалось. Высокий, широкоплечий, и не скажешь, что школьник, если бы не лента красная через плечо. Рубашка белоснежная на плечах и руках натянута, сразу видно, что не хилак какой-то. Тёмные волосы коротко острижены. Да и лицо симпатичное. Можно даже было сказать смазливое, если бы не жёстко сжатые губы и взгляд какой-то колючий. Глаза светлые, то ли серые, то ли синие – в коридоре непонятно.

– Я Злата, – улыбнулась, слегка поведя плечом.

– Круто, – буркнул он и отвернулся.

Круто? Горькая обида на столь пренебрежительное приветствие тут же отравила настроение. Это же как пощёчина. Да ещё и слышали все, кто рядом стоял. Вон глаза попускали, когда я яростно на них посмотрела.

Ну, новенький, будет тебе круто, я уж постараюсь.

Глава 2

К началу десятого погода, вспомнив, что только вчера ещё было лето, разыгралась. Солнце стало припекать, многие старшие ученики, учителя и присутствующие родители надели солнцезащитные очки. Малышня шурилась, одному первокласснику даже стало дурно, и школьная медсестра в тени ещё ярко-зелёного клёна отпаивала его водой и махала ваткой с нашатырём, а перепуганная мама, побледнев, стояла рядом. Что ж, добро пожаловать в школу, тут всякое случается.

А мне, как я уже говорила, повезло стоять под сенью огромного раскидистого клёна. И фотки будут без прищура, и комфортно стоять. Однако настроение моё было прилично изгажено, и то, что этот новенький стоял в метре и невозмутимо наблюдал за ходом линейки, раздражало ещё больше. Но показывать своё состояние я, конечно, ни за что бы не стала. Много чести некоторым. Выше подняла подбородок, расправила плечи и задвинула глупый осадок подальше. Сегодня мой день! Последний первый звонок, который в моей жизни не повторится больше никогда, так что я не дам его испортить какой-то мироновской выскочке. Своё он ещё получит. Обязательно.

После линейки, как и обычно, царило возбуждение. После жары снаружи, в помещении школы было прохладно и приятно, слегка пахло свежим ремонтом, чистотой и предстоящими школьными деньками. Скажу честно: мне учиться нравится. Даже не сколько учиться, сколько общаться, взаимодействовать, побеждать.

Классные руководители торжественно провели нас в наши кабинеты, украшенные шарами и плакатами. На доске были развешены наши детские фотки, а рядом вырезанные из газет и журналов, или просто распечатанные на цветном принтере картинки. Рядом с моей была приклеена стильная леди в деловом костюме и стопкой бумаг в руках. Явно не секретарша, а какая-нибудь бизнес-леди. Приятно. Возле Таниной смешной детской фотографии висело изображение женщины-доктора, у Ильи, с которым мы сидели за партой последние четыре года и поддерживали тесные дружеские отношения, мужчина в белой каске и с документами. Наверное, классная руководительница решила представить его в будущем инженером. Ну а что, Илья и правда отлично разбирается в математике, черчении, физике, не один областной конкурс выиграл.

Вера Васильевна начала классный час с пафосных речей и даже украдкой смахнула слезу, когда говорила, какие мы взрослые и что «скоро как птенцы вылетим из гнезда». Потом повспоминала наши смешные моменты и анекдотичные ситуации, фразочки, ставшие крылатыми, в шуточных стихах, используя картинки, наклеенные на доску, рассказала, кем видит нас в будущем. Предложила каждому рассказать о самом запоминающемся моменте лета. Думаю, тут многие лукавили, потому что у Журавкиной явно самым запоминающимся был не заплыв на соревнованиях в открытой воде, а первый ночной романтик с парнем, а Рома Осипов, насколько я слышала, впервые попробовал алкоголь, да так, что очнулся в соседнем городе на непонятной хате. В общем, многие тут лукавили. Однако, я честно рассказала, что была невероятно впечатлена поездкой в детско-юношеский лагерь «Артек» с нашим творческим коллективом от Дворца культуры. В Крыму очень красивая природа, и она действительно меня очень впечатлила и запомнилась. Фотки получились супер.

Когда торжественный классный час был окончен, нас пригласили на общее собрание с 11-Б в актовом зале, где должны были выступить завуч и директор. Когда мы гудящей толпой ввалились в актовый зал, «бэшки» со своей классной руководительницей уже были там, заняв левую сторону. Но их было мало, и Наталья Анатольевна, наша завуч по учебной работе, попросила их подсесть ближе к нам, чтобы ей не приходилось без микрофона громко распыляться на весь зал.

В предыдущие годы нас так не собирали, но это же только для выпускных классов. И сегодня, кроме торжественного классного часа, нас ждала и серьёзная информация. Список факультативов, ориентация на экзамены, расписание дополнительных занятий, которые будут проводиться сразу для обоих классов, много говорила Наталья Анатольевна и о будущем непонятном ЕГЭ. Что в этом году его сдают многие регионы нашей страны, что система уже налажена, и единый экзамен – настоящий шанс многих поступить в ВУЗы.

– Теперь немного об изменениях, ребята, – заместительница директора выждала, пока некоторые бурно возмущённые несправедливостью того, что им выпала доля сдавать этот непонятный ЕГЭ, притихнут. – У нас ушёл на пенсию учитель химии, теперь у одиннадцатых будет вести новый учитель – Касаткина Ирина Викторовна. Прошу отнестись с пониманием, педагог только пришла работать, возможно, вначале ей будет непросто. Поддержите учителя, наладьте отношения.

Некоторые стали переглядываться, кто-то из парней друг другу подмигнул. Вот же придурки, уже слюни пустили, хотя даже не видели новенькую химичку. Может, она вообще толстая уродина.

– Физкультуру около двух месяцев у вас будет вести Елена Борисовна, уроки у обоих одиннадцатых будут спарены. Виктор Михайлович сломал ногу и пока находится на больничном.

А вот это довольно удручающая новость. Елена Борисовна Пристоль – сущий кошмар. Она вела у нас до восьмого класса, и это был ужас. После уроков физры хотелось сдохнуть, а если ты не дай Бог опоздал хоть на тридцать секунд, то бегать и приседать будешь пока ей не надоест. С Виктором Михайловичем, в народе просто Витьком, можно договориться, особо не напрягаться, а ладонь на живот и сведённые брови работают безотказно.

– Но и среди вас есть новенькие. В 11-Б у нас пополнение, – объявила завучка, а у меня во рту стало горьковато от подкатившей неприязни. – Познакомьтесь с Демидом Бахуриным, который перевёлся к нам из двадцать восьмой школы.

Что за имя вообще такое?

Чувствую, как по плечам проходит дрожь. Зарвавшегося придурка надо проучить с самого начала.

– Наталья Анатольевна, а разве из коррекционной школы переводят учеников в обычную? – встала и громко спросила я.

Вокруг все притихли, многие переглянулись, большинство обернулись и бросили недоумевающий удивлённый взгляд на новенького, который вроде бы как оставался беспристрастным, однако я, к своему удовольствию, заметила, как напряглись у него мышцы на шее и заиграли желваки.

Вот и поделом тебе, Демид Бахурин.

– Злата, – завуч немного сконфузилась сначала, но потом взяла себя в руки и деловым тоном заговорила, в котором, кстати, совсем не слышалось осуждения в мою сторону. Она вроде как просто пояснила. – В двадцать восьмой школе есть спецклассы, да, но не все. Демид из общеобразовательного. И, к тому же, в этих классах обучаются такие же ребята, как все вы.

Я и так знала, что там классов для ЗПРиков всего парочка, и после девятого они все выпускаются, но нужный мне эффект уже был произведён. Новенький получил по носу, а остальные насторожились.

Отлично, Злата, умница.

Глава 3

Наталья Анатольевна тему как-то сразу перевела, ещё рассказывала о самоуправлении и структуре школьного ученического парламента. Сообщила, что завуч по воспитательной работе сейчас занята с гостями школы и просила коротко напомнить, что конференция органов школьного самоуправления состоится через две недели.

А у меня тем временем подскочило настроение. Неприятное покалывание и сухость во рту исчезли, и первый школьный день снова заиграл яркими красками уже без неприятной примеси.

После собрания в актовом зале мы высыпали на улицу. Поднялся небольшой ветерок, что скрасило жару. Погода стояла великолепная. Чем я люблю первое сентября, так это тем, что вроде бы как уже школьный день, а ни уроков, ни домашних заданий нет. Я, конечно, люблю учиться, но не настолько, чтобы обожать домашку. Это вон пусть Пантелеева с Нестерчуком кайфуют. А я-то нормальная.

– Девчонки, сегодня всё в силе? – спросила негромко Настя, едва мы вышли во двор школы.

– Конечно, – Таня едва не взвизгнула от предвкушения. – Я новый цифровик возьму! Мне брат подарил недавно.

– Тогда в пять на «пяточке»? – уточнила Белова.

– Не опаздывай.

Я вообще терпеть не могу, когда кто-то опаздывает. А вот Настя Белова будет не Настя Белова, если не заставит ждать себя. Однако в последнее время мы её почти отучили, когда она, придя на пять минут позже условленного, оставалась одна. Неужели так трудно собраться вовремя?

Город у нас небольшой, при Союзе, как говорили родители, был вполне себе живым и активным. Но, как почти во всех таких небольших городках России, после распада Союза сюда пришла разруха. Машиностроительный завод, считай, стал, швейную фабрику закрыли. Людям работы не было, и многие подались на заработки кто куда. И вот буквально в последние года четыре что-то где-то стало шевелиться. То ли кто-то выкупил из-за рубежа, то ли что ещё, но рабочие места стали появляться, зарплата у людей тоже. Новые хозяева Машзавода отреставрировали местный парк культуры и отдыха, куда мы как раз и собирались.

На первый и последний звонок традиционно в парке проходит шоу-программа и дискотека на улице. Молодёжь стекается со всех районов. Не обходится, естественно, и без стычек. В самом начале шоу-программы я выступаю с песней от нашего творческого коллектива от Дворца культуры и спорта. Вообще-то, так происходит каждый год, но именно сегодня хочется блеснуть ярче обычного.

На углу возле хлебного ларька мы с Таней попрощались, договорившись встретиться в половине пятого. Дома родители поздравили ещё раз, вручили большой красивый торт, сверху на котором был масляный колокольчик. Потом был семейный обед, позвонила бабушка с поздравлениями.

– Дочь, совсем взрослая у нас, – мама тепло улыбнулась. – Мы с папой подумали и решили подарить тебе к началу последнего учебного года в школе. Знаем, что ты нас не разочаруешь, будешь умницей.

– Верим в тебя, Златусь, – подмигнул папа и поставил на стол небольшую коробочку, обёрнутую голографической серебристой бумагой.

Я нетерпеливо разорвала упаковку и с радостным возбуждением извлекла оттуда новый мобильный телефон! С цветным экраном! И намного большим, чем в моём старом. Красавчик С. кремового цвета с серебристым ободком вокруг экрана приятно лёг в руку.

В нашей школе я видела цветной мобильник только у Пашки Кутузова, но у него всегда всё у первого появляется. Родители могут себе позволить. Папа хоть с ними не живёт, но вроде бы как в облсовете не последний человек, и, говорят, приложил руку к продаже Машзавода. Пашка, кстати, уже не первый год клинья подбивает, хоть между подходами отнюдь не скучает. Однако он мне совершенно не нравится.

Я поцеловала родителей, мы попили чай с тортом. Времени на сборы оставалось совсем немного, поэтому пришлось поторопиться. Я снова надела школьную форму, крутнулась, как маленькая, перед зеркалом, чтобы фартук взметнулся красиво воланами по воздуху. Но вот причёску и макияж сделала смелее. Да к тому же мне выступать на открытой сцене, тут уж и положено яркий макияж.

– Лапуля, мне и не верится, что ты выпускница, – мама зашла в мою комнату и улыбнулась.

– Ну пока только одиннадцатиклассница, – я чмокнула её в щёку. – Выпускницей буду в мае-июне по факту, мам.

Мама вздохнула, дала кучу напутствий, как себя вести и если что звонить, ещё раз посоветовала взять жакет, потому как хоть и первое, однако, сентября, и вечер осени – уже не то, что вечер лета, а от парка идти далековато.

Таня зашла за мной без четверти пять, и папа подвёз нас до «пяточка» перед парком, где мы условились встретиться с Настей Беловой и другими девочками. Со всеми ещё раз поздоровались, пообнимались, пофоткались, а потом я убежала к своему художественному руководителю Марине Алексеевне, что ждала меня, других вокалистов и ребят из танцевальной группы чуть дальше.

Концерт проходил на «ракушке», что стояла у основания открытой танцплощадки в парке. Ракушкой её все называли потому, что бетонный полукупол сзади деревянной небольшой сцены был сделан в виде открытой раковины моллюска. Наверное, когда-то, ещё в советское время, когда за парком тщательно ухаживали и охраняли, это было красиво и суперсовременно на то время. Но к празднику лавочки по периметру танцплощадки и «ракушку» покрасили, и, в принципе, выглядело вполне сносно.

Пока настройщики вытаскивали аппаратуру, устанавливали колонки, проверяли микрофоны, Марина Алексеевна велела нам расположиться в небольшой пристройке. Танцоры со своим хореографом ушли разминаться, а вокалистов она заставила пропеть гаммы для распевки.

Время быстро добралось до шести, народ заполнил площадку. Большинство девочек были в парадной школьной форме, парни по большей части оставили только белые рубашки, пренебрегли брюками, надев джинсы. Но были ребята и из десятого, парочка даже из девятого затесалась, хотя традиционно дискотека и концерт для выпускников. Но мало ли, вдруг чьи-то парень-девушка из класса помладше или просто друзья.

Я выглянула из-за «ракушки», увидела своих, они шумной толпой тусовались ближе к сцене. Многие помахали руками. Видения приветственно поднял бутылку с пивом, едва не облив Настю, которая тут же состроила ему убийственное лицо.

Концерт начался. Сначала ведущие от Дворца культуры поздравили всех, кто в этом году заканчивает школу, пожелали удачи в последнем школьном году, определиться с профессией и идти к цели, потом выступили танцоры с классным зажигательным рок-н-роллом. На сложных подержках, которые они вытворяли, толпа стала разогреваться: пищать, выкрикивать, даже пританцовывать на местах. Потом была пара песен, снова танец, и вот дошла очередь и до меня.

Я выпрямила спину, перебросила завитые в крупные длинные локоны волосы на одно плечо и аккуратно поднялась по ступеням на сцену. Прозвучали первые аккорды моей фонограммы. Я вскинула глаза на зрителей, улыбнулась и сняла микрофон со стойки. В ответ раздались приветственные крики, громче всех со стороны наших, конечно, но и в других школах

меня знали. Я помахала публике рукой и поднесла микрофон к губам, начала петь всем известную песню о том, что скоро кончится наша школьная пора и нам придётся с ней попрощаться. Новая аранжировка от нашего звукорежиссёра звучала свежо и интересно. Многие стали подпевать на припеве.

Обожаю это ощущение! Когда стоишь на сцене и ощущаешь ответную крышесносную реакцию публики. Пусть я не выступаю на главных сценах страны, возможно, это ещё впереди, но и тут, в родном городке, я чувствую прилив невероятных эмоций, когда вот так пою перед друзьями и знакомыми.

На проигрыше я обвела взглядом всех внизу, снова даря им улыбку, и вдруг натолкнулась на неприятный тяжёлый взгляд новенького, что стоял недалеко от сцены с парнями из 11-Б. Даже с расстояния я почувствовала, каким презрением он меня окатил. А потом равнодушно отвернулся и стал о чём-то беседовать с новыми одноклассниками, которые стали с ним что-то бурно обсуждать, будто меня тут на сцене и не было, и я не пела песню, пытаюсь подарить всем хорошее настроение.

Глава 4

– А его кто сюда позвал? – Песню я допела, как и всегда, на отлично, но сейчас, спустившись к своим, негодовала. – Разве я сегодня на собрании не дала ясно понять, что его тут не ждут?

Девчонки притихли.

– Злат, ну... его «бэшки» позвали, наверное. Да и все выпускники в курсе, где гуляют вечером на Первый звонок, – негромко подала голос Лина Прокопьева.

– Все, кроме мироновских. Их тут никогда не ждут.

– Он же вроде как наш.

– Вроде да никак, – оборвала я обнаглевшую одноклассницу. Этих защитниц сырых и убогих нужно давить сразу. – Может, ты хочешь составить ему компанию? Новая группа отщепенцев. Можете и Пантелееву к себе позвать.

Лина захлопнула рот и засопела.

Пусть скажет спасибо, что я позволила ей остаться в нашей компании. Но, думаю, она усекла, что мысли свои нужно иногда оставлять при себе.

Спустя несколько номеров концерт закончился, включили просто фоновую музыку. Диджей начали выставлять световую аппаратуру для дискотеки, объявив, что ждут на свою программу через час, а пока предлагают отдохнуть, прогуляться по парку, пофоткаться, поесть мороженого и пообщаться. Естественно, большинство предпочтёт не мороженое. Наши совместно с «бэшками» тоже заказали столики в открытом кафе заранее. Некоторые ребята должны были уйти с концерта чуть раньше и уже всё организовать.

– Златуля, вас уже все заждались, – Пашка Кутузов раскинул руки и заключил меня в объятия, я едва успела выставить ладони, чтобы упереться ему в грудь.

– Паш! – прошипела на него и вывернулась. Не люблю, когда так бесцеремонно нарушают моё личное пространство.

– Ну прости, малыш. Падайте сюда.

Фу как пошло – малыш. Что за тупость? Я что карапуз-штаны-на-лямяках? Терпеть не могу, когда Пашка начинает наглеть и паясничать. Будет перегибать, придётся на место поставить. Но в целом с Пашкой можно общаться, когда он не строит из себя супер-мачо.

Открытое кафе «У Романа», которое среди народа именуется просто «Ромычем», располагалось в дальней части парка среди высоких старых тополей и клёнов, от основной толпы скрыто густой растительностью в это время года.

Под деревянным навесом уже были сдвинуты несколько столиков, на которых стояли салаты, нарезки, посуда, бутылки со сладкой минералкой. Рядом были придвинуты где-то деревянные лавочки, где-то стояли пластиковые стулья. Многие из наших уже расселись за столом, оживлённо болтали в ожидании остальных. Под ногами стояли пакеты с алкоголем. Выставлять бутылки на стол пока не решались, но, думаю, скоро никого это стеснение волновать не будет. Меня лично пьяные люди раздражают, не вижу необходимости употреблять алкоголь, чтобы хорошо провести время. К тому же он ужасно влияет на кожу.

Мы с Таней и Настей сели в самом центре, справа уселся Пашка.

– Непорядок! – засмеялся Илья и плюхнулся на лавочку рядом с Кутузовым.

– Ты и так рядом с восьмого класса, Ромушин, – Пашка толкнул его в бок. – И Златуля ни в какую не хочет с тобой расставаться, сколько бы я к себе за парту не звал, дай хоть в баре рядом посидеть.

Я подкатила глаза и отвернулась к Тане. Когда Кутузов начинает распускать свой павлиний хвост, мне становится даже немного смешно.

Но вдруг мне стало не до смеха. Когда уже почти все были на местах, в беседку вошли парни из «Б» класса и с ними этот новенький. Внутри поднялась волна возмущения. Вот же наглый какой! Неужели и правда не доходит до него, что ему тут не рады.

– Золотуль, ты чего? – Пашка положил руку на спинку лавочки сзади меня и придвинулся ближе. – У тебя глаза сверкнули. Быть буре?

– Отвали, Паш, – теперь уж молнию из моих глаз получил Кутузов и притормозил, подняв примирительно ладони. – А лучше объясни, что ЭТОТ тут делает? Или мы теперь с мировскими дружбу водим?

Пашка нахмурился, но ничего не ответил. Народ стал подтасовывать под столом пластиковые рюмочки, передавать типа как незаметно тем, кто решил травиться. Новенький сел за стол с противоположной стороны человек на пять левее, что-то сказал парню, который оказался рядом, и они привстали и чуть отодвинули лавочку назад от стола. Таня рядом со мной как-то вдруг приосанилась, за что мне захотелось стукнуть её побольнее. Надо будет обязательно сделать ей внушение. А сейчас стоит постараться забыть о его присутствии, хватит себе уже праздник портить. Я отвернулась к Пашке и прислушалась к тому, о чём они болтали с Ильёй.

Веселье потекло своим чередом. Смех, шутки, тосты произносились уже смелее. Персоналу особо не было дела до толпы великовозрастных школьников, которые оплатили место, время и заказ. Милиция сюда редко заглядывает. Да и вообще, они только для вида в парке, машина стоит на въезде, редко когда пройдутся хотя бы по аллее.

Стало как-то слишком уж шумно. Некоторые стали курить за столом, пришлось возмутиться. Неужели так трудно выйти из беседки? Это их дело, но лично мне неприятно, когда дымят рядом. От волос потом жуткий запах.

В сумочке рядом завибрировал новенький телефон. Мама волнуется, видимо. Я достала телефон и встала, чтобы выйти на улицу. Разговаривать с мамой там, где слышен не совсем стройный смех и частенько проскакивают нецензурные словечки, уж как-то не хотелось.

Я ответила на звонок, успокоила её, заверив, что всё действительно в порядке и папе совсем нет необходимости ехать за мной. Что мы с Таней дойдём пешком позже, и мальчики из класса нас обязательно проведут.

Пока разговаривала с мамой, даже не обратила внимание, что постепенно отошла от кафе вглубь посадки. Не то чтобы прям далеко, но в сгущающихся сумерках отсюда, учитывая музыку в беседке, можно и не дозваться в случае чего. Развернулась, чтобы поторопиться обратно, когда вдруг услышала где-то рядом за кустами голоса.

– Дёма, это ведь неправильно, ты и сам это знаешь! Зачем было уходить? – проговорила девушка.

– Так нужно было, Олеся, – ответил низкий мужской голос.

– Демид, тебе среди центральных не место, ты же и сам понимаешь.

– Мы не будем это обсуждать.

– Но почему? – её голос задрожал, и она всхлипнула.

– Прекрати, – терпение парня явно было на исходе. – Мы уже всё решили. Тебе пора, Олеся.

– Знаешь, Бахурин, – теперь уже голос прозвучал зло. – Наши, то есть теперь мои, уже здесь! И раз ты с *этими*, так тому и быть. Сам виноват.

Я поняла, что этот разговор происходит между новеньким и какой-то его старой знакомой, ещё когда она сокращённо назвала его имя, а потом моя уверенность только подтвердилась.

– Даже не думайте. Не суйтесь сюда.

– А то что? Нажалуешься своим новым друзьям? Только поздно уже, Дёма.

– Бахур! – послышалось вблизи. Звал явно парень, а если судить по шуму, то приближался из-за деревьев он не один.

Девушка рассмеялась. А вот я будто очнулась. И зачем только стою и слушаю этот разговор? Мне к своим пора. Едва я развернулась, как из-за кустов вынырнул Бахурин.

– А ты тут что забыла? – грубо спросил он, сузив глаза.

– Чего? – его наглость поразила в который раз.

– О, в первый же день соску себе завёл, Демидка? – эта Олеся тоже вынырнула за ним. – Ещё и какая! Прямо кукла Барби.

– Дёма, здорова! – с другой стороны подошли трое парней. – Олеська маякнула, что ты сегодня здесь, решили проведать. А то ты как-то не прощаясь ушёл.

Почти стемнело. Вокруг деревья и кусты, а стою среди толпы мироновских. Браво, Королева, ты всегда смеялась с тех, кто умудряется влипнуть по глупости. А сама?

– Ещё попрашаем, – отрезал новенький. – А сейчас нам пора.

Неожиданно он ухватил меня за запястье и потащил за собой. Опешив от такой наглости и бесцеремонности, я даже не среагировала. Просто позволила. Знакомые его за нами не пошли. И я почти сразу пришла в себя и выдернула руку. Бахурин просто разжал ладонь, даже не взглянув на меня. Засунул руки в карманы брюк, продолжая идти вперёд.

Хорошо, что мы уже дошли до кафе. Я притормозила у дерева рядом, сложила руки на груди и резко развернулась к нему.

– Может, твои друзья правы, и тебе действительно не место среди нас?

Он, продолжая держать руки в карманах, остановился так близко, что мне захотелось сделать шаг назад. Но, во-первых, я не из тех, кто отступает, а во-вторых, прямо за спиной был массивный ствол тополя.

– А кому место? Таким ядовитым стервам, как ты? – спросил негромко, обдав запахом мятной жвачки.

Я аж едва не задохнулась от такого наглого неприкрытого оскорбления!

– Да ты...

– Не зарывайся. Это может плохо для тебя кончиться.

А потом он обошёл меня, едва не зацепив плечом, и вернулся в кафе.

Глава 5

– Златуль, ты где пропала? – тут же всполошился Пашка. – Уже хотели идти с Илюхой тебя искать.

Я ничего не ответила, просто прошла и села на своё место. Настроение не то чтобы упало, оно отсутствовало напрочь. По плечам пробежал какой-то неприятный озноб, который усилился, стоило мне взглянуть в ту сторону, где расположился Бахурин.

– Злат, слушай, – Таня повернулась ко мне и жеманно повела плечом. – А этот новенький вполне симпатичный. Может, зря ты так на него взъелась?

– Таня, ты пила, что ли? – я сжала зубы, чтобы не показать всем вокруг, насколько я сейчас зла. Даже не просто зла – взбешена!

– Нет, конечно! – Соколова округлила глаза.

– А почему от тебя несёт?

– Я же только сок, Злат... – она растерянно посмотрела на стакан с апельсиновым соком перед собой, а вот я заметила, как чуть дальше Виденин со своим дружкой из параллельного класса смотрели на неё и хихикали. Придурки.

– И не горчил тебе сок?

– Ну грейпфрутовый же...

И тут до Соколовой дошло.

– Ой... Вот дебилы, – не сильно она как-то и расстроилась, хотя мы с ней неоднократно обсуждали и осуждали тех, кто употребляет алкоголь, что это глупо и вредно. – Бли-и-ин, Злат, а вдруг теперь мама услышит запах? Можно я у тебя останусь?

Меня охватило раздражение. Почему я должна постоянно прикрывать её задницу? То она решила попробовать покурить, потом её рвало, и, конечно, умоляла побыть у меня до вечера, потому что у самой Соколовой мама в декрете, всё время дома и подобное не скроешь. То пыталась прикрыться тем, что ночует у меня, когда собралась с ночёвкой к своему парню. Теперь уже бывшему. И хорошо, что я тогда отказалась, и Таня у него не осталась. Этот придурок потом через неделю её кинул. Думаю, если бы между ними что-то произошло всё-таки, финала бы это не изменило, а только добавило бы ей страданий.

– А своим родителям я что должна сказать, Тань? От тебя же за километр запах слышно.

На это Соколова поджала губы и опустила недовольно ресницы, приподняв правую бровь. Обиженно-недовольный жест, целиком и полностью слизанный у меня. Смешно даже становится, когда Таня вот так копирует мои жесты и мимику. Неужели ей никто так и не сказал, что они ей не идут? Потому что мои.

– Собирайся, – бросив ей, я написала папе сообщение, чтобы забрал нас из парка минут через пятнадцать.

– Уже, что ли? – Таня удивлённо посмотрела на меня. – Ещё рано же, Злат. На дискотеку даже не успели.

– Если едешь ко мне, то сейчас. Я устала и хочу домой.

– Ну ладно, – Таня сникла, но всё же согласилась, опасаясь, что дома от мамы ей хорошо влетит.

В общем-то ей и так влетело, потому что уже не каникулы, и завтра нужно идти в школу. Она уговорила маму, пообещав, что в шесть утра будет дома как штык, чтобы вовремя собраться и не опоздать на занятия. Перед сном мы ещё выпили чаю и уже в начале двенадцатого ночи улеглись в моей комнате. Когда Таня ночует у меня, я стелю ей на небольшом диванчике напротив кровати в моей комнате.

– Злат, скажи честно, за что ты так взъелась на новенького? – Тане явно не спалось, и она решила добить моё и так испорченное настроение своими вопросами.

– Потому что ему среди нас не место, Таня, – повторила я слова, что сказала та девушка в парке.

– Ну с чего ты решила? Он же не виноват, что жил на квартале Мира. Человек вырвался оттуда, уже ведь хорошо. Да и вроде ничего он. Взгляд чуть колючий, но вообще симпатичный парень. И голос у него приятный.

«...таким ядовитым стервам, как ты?»

Да уж, очень приятный.

– Тебе лишь бы симпатичный, Соколова. Ты его не знаешь.

– А ты знаешь?

– Предпочту и не знать. Он мне просто не нравится. Предчувствие дурное. Спи давай, Таня. Завтра первый учебный день, не хочется сидеть сонным мешком.

* * *

В десятом классе на старте было значительно легче. Нам давали время на раскачку, не нагружали так с самого начала года. А тут с самых первых дней безостановочно все учителя, словно сговорившись, стали твердить об экзаменах, поступлении и прочем. Они и сами ещё не совсем понимают, что и к чему в этих новых экзаменах.

Биологичка уже в конце первой недели дала стартовую контрольную работу, хотя у нас там и уроков было всего два. Заданий много, пришлось ещё сидеть на перемене, а следующим уроком была физкультура. А Елена Борисовна это не Витёк, с той станется за опоздание заставить тридцать раз присесть в углу спортивного зала. Пришлось впопыхах дописывать и бежать переодеваться.

Однако на литературе после физры я с ужасом обнаружила в сумке листочек с контрольной работой по биологии. Видимо, дописав, я затолкала его в сумку и поспешила в раздевалку. Надо же! Светлана Петровна может же подумать, что я так специально сделала. Позор какой.

После литературы я постучалась в учительскую и попросила позвать её. Честно сказала, что просто забыла сдать работу.

– Злата, я тебе верю, – улыбнулась Светлана Петровна. – Сама я уже убегаю – у внучки день рождения, так что забуду потом выложить твой листок из сумки. После уроков зайди в мой кабинет, там ребята как раз дежурить должны, и положи работу на стол. Только внимательно смотри, не перепутай классы, а то у меня там и девятые сегодня писали, и седьмые.

– Хорошо, – я с облегчением улыбнулась, ведь мне удалось избежать санкций. – Передавайте внучке поздравления.

– Обязательно, – расцвела Светлана Петровна.

Я убежала на историю, успокоившись. Таню отпустили с головной болью на урок раньше, а я после шестого поплелась в кабинет биологички.

Дверь была не заперта, однако в классе дежурных не было. Может, тряпки пошли стирать. Терпеть не могу дежурить, меня возмущает сам факт того, что нужно ковыряться в грязной холодной воде, мыть за кем-то полы. Вообще-то, для этого есть техперсонал, они зарплату получают.

Я вытащила из сумки листок и подошла к столу, на котором лежали несколько стопочек подписанных работ. Определила, куда нужно положить свою, а потом зацепилась взглядом за лежащую на столе у учителя папку-скоросшиватель, на которой было крупными буквами напечатано: «Личное дело ученика. Бахурин Демид Алексеевич. 24.09.1984».

Светлана Петровна – классный руководитель 11-Б, поэтому неудивительно, что у неё на столе лежали документы на новенького. Не знаю, что меня дёрнуло, но, оглянувшись, я открыла первую страницу. Пробежала глазами характеристику с предыдущей школы. Физическое развитие... занятия спортом... склонность к изучению иностранных языков и точных наук (надо

же!). И я даже совершенно не удивилась, когда натолкнулась на строку о том, что он в настоящее время состоит на учёте в районном отделении милиции. Причём за разбой! Вот так новости. Берут всяких уголовников в школу, а потом удивляются, что преступность растёт во всех районах. Таких товарищей не то чтобы в одном месте держать надо, их в спецучреждениях содержать должны.

– Всё внимательно изучила? – я вздрогнула и быстро захлопнула папку, а потом обернулась.

Бахурин стоял за спиной в каких-то паре метров. Судя по всему, он вышел из препараторской, дверь в которую располагалась за учительским столом. И как я только не услышала?

– Может, мне стоило сделать копию и предоставить не только в учебную часть, но и тебе?

«Разбой» – промелькнуло в мозгу, и я сглотнула. Внутри стало очень тревожно, а язык сделался сухим и тяжёлым, чего со мной отродясь не бывало. Но страх перед ненормальными вполне оправдан. Самосохранение ведь так и работает.

– У тебя проблемы с законом, – сама не знаю, зачем сказала я, но постаралась сделать это твёрдо.

– Боишься? – он сделал шаг, оказавшись совсем близко, и хамовато приподнял бровь, сверкнув ярко-голубыми глазами.

Издевается. Запугивает. Думает, я вот сейчас начну дрожать от страха. Мне, конечно, стало не по себе, но показывать я этого не собиралась.

– Нет, – я сложила руки на груди и крепко сжала зубы, чтобы он не заметил, как я едва вздрогнула. – Просто удостоверилась ещё раз в том, что тебе среди нас и правда не место.

Резким движением поправив ремешок сумки на плече, я решительно направилась к двери, но Бахурин удержал меня за локоть, заставив посмотреть на него.

– Я тебя уже предупреждал. Не нарывайся.

– А то что? – посмотрела в его наглые глаза, презрительно сузив свои.

– Ты правда хочешь узнать?

Да пошёл ты, Бахурин, ещё я перед тобой не расшаркивалась.

Смерив его долгим взглядом, я резко высвободила локоть и ушла не оборачиваясь. Хотя, признаться, внутри ощущала неприятную покалывающую дрожь.

Глава 6

Сегодня замечательная погода. Сентябрь уже третью неделю радует. Солнечно, тепло и сухо. И это замечательно, особенно сегодня, потому что все ученики десятых и одиннадцатых классов школ нашего городка расположились в ближайшем лесочке, где с минуты на минуту начнутся ежегодные соревнования по начальной военной подготовке, которые ещё называют игрой «Зарница». Вообще-то, после распада союза теперь эти уроки именуются ОБЖ, но преподавать его остался военрук, так что суть сильно не изменилась, судя по всему. Проходят соревнования под патронажем главы города и спонсируются руководством Машзавода.

Обычно это событие все старшеклассники ждут с нетерпением. Кроме самих командных состязаний, чуть позднее, проводятся конкурсы бардовых песен, игры. В этом году, однако, администрацией города было принято решение, что слёт пройдёт без ночёвки. А жаль. В прошлом году мы отлично повеселились.

Но в этом году у меня ещё один повод приехать на соревнования без настроения. Бахурин. Надо же было Виденину свалиться с ангиной за один день до соревнований. Как вообще можно заболеть ангиной в начале сентября, когда на улице плюс двадцать? И вот наш военрук решил заменить его в команде этим. Неужто из двух одиннадцатых и двух десятых классов нельзя было кого-то ещё выбрать? Команда всего-то состоит из семи человек. Да и тренировались мы две недели, строевым выхаживали по школьному двору каждый день после уроков, а этот вон он – без единой тренировки. Даже песню нашу строевую не знает. И почему его?

Но уж что есть, то есть. С учителями, особенно с военруком, сильно не поспоришь.

В этом году сильная команда не только в нашей, четвёртой и семнадцатой школах, которые обычно состязаются за призовые места. Пятнадцатая и десятая тоже суперски выступили на строевой подготовке. У них в педагогическом штате нет военруков, и уроки ОБЖ ведут учителя физкультуры. Тем более удивительно, что они так круто стартанули. Мы, конечно, тоже выступили отменно. В этом году командование решили передать Пашке Кутузову, потому что я неожиданно охрипла неделю назад. И горло вроде бы не болело, а голос пропал. Сейчас уже прорезался, но на тренировках нужно громко и чётко отдавать команды, и мне пришлось уступить место ведущего курсанта.

Мы уже успели успешно сдать строевую подготовку, защитили военный бюллетень, который рисовали с Таней позавчера почти до одиннадцати вечера у неё дома, прошли этап ориентирования на местности и определили на карточках все ядовитые травы и грибы, отработали комплекс рукопашного боя. Осталось сдать огневую и медицинскую подготовку. И пока команда нашей школы по баллам идёт впереди. Однако семнадцатая гимназия уже на пятки наступает, разница с ними всего в четыре балла. Если накосячим в этих двух конкурсах, можем провалиться.

– Так, народ, собрались! – Пашка собрал всех в кружок после того, как вернулся от стола, где командиры получают инструкции. – На медицине участвуют трое: «пострадавший» и «медики». Выбрать самим не разрешают, сказали тянуть карточки – кому выпадет. Чтобы не хитрили типа. А то в прошлом году команда шестой школы выперла тех, у кого родители медики, специально именно этих троих и готовили, и так вроде нечестно. Поэтому, кому попадётся.

– Блин, – Настя наморщила нос. – Зря я, что ли, вчера до полуночи все эти виды ран зубрила, потом снилось. Фу.

Через пару минут команды выстроились по периметру, ответственные за конкурс преподаватели и медработники школ разложили на столе, установленном прямо на траве под деревом, карточки. Каждая команда по очереди подходила и тянула карточки, определяя, кто из них будет принимать участие в конкурсе. Вот пришла и наша очередь. Мы так же выстроились

вдоль стола и потянули. У меня на оборотной стороне было указано: «П», что значит, что я буду играть роль пострадавшего. Соколова вытянула карточку с обозначением «М». Это не очень хорошо, потому что она сама мне говорила, что к медицине совершенно не готова. Не успела выучить, и молилась про себя, чтобы ей не пришлось отвечать. Попахивает провалом. Я подсказывать, что делать, права не имею как «пострад». Одна надежда, что третьим будет тот из команды, кто в курсе, как и что.

Но третьим нам выпал... Бахурин.

Вот его только не хватало. Мало того, что меня сразу аж затрясло от злости, так ещё и команда проиграет. Зато Таня, я смотрю, аж расцвела.

– Расходимся на исходные места! – скомандовал преподаватель.

Мы втроём отошли к табличке с номером нашей школы и названием команды и замерли в ожидании заданий. Я чувствовала, как неприятный озноб прокатился по спине, через одежду ощутила неприятный взгляд новенького.

Команде шестой школы достался теоретический вопрос об искусственном дыхании, а практическое задание состояло в том, чтобы выполнить перевязку-шлем «пострадавшему» в ДТП с черепно-мозговой травмой. Семнадцатая чётко ответила о методах профилактики кишечных инфекций, а потом выполнила практическое задание на высший бал, где им нужно было наложить шину Дитерихса и транспортировать пострадавшего на другой конец поля.

– Теория: действия при ожогах, виды ожогов. Практика: остановить кровотечение из рваной раны на бедре. Транспортировка пострадавшего с переломом голени, – Таня прочитала задания в билете, доставшемся нашей команде.

Я видела, что у неё в глазах забились паника. Она абсолютно растерялась, и что говорить и как действовать – не знает. А тем временем к нам уже подошёл член комиссии. Я выхватила у неё листок и стала рассказывать об ожогах. Благо теорию мне отвечать можно. А вот дальше...

– Отлично, – проверяющий сделал отметку в своей ведомости. – Теперь, пожалуйста, практику.

Он протянул мне сложенную брезентовую подстилку, рядом поставил сумку с красным крестом, ребята из семнадцатой школы принесли носилки. Я расстелила подстилку, села на неё, чуть выставив вперёд «раненую» ногу и посмотрела на Таню. Ну же, думай.

Но Соколова совсем растерялась и жалобно посмотрела на Бахурина. Тот кивнул и, присев, открыл сумку. Вытащил оттуда жгут и моток широкого бинта, а потом придвинулся ко мне.

– Даже не думай ко мне прикасаться, – прошипела я, стараясь, чтобы наблюдающий не заметил.

– Заткнись, – ответил тихо и спокойно Бахурин, даже не взглянув на меня.

– Не разговаривать! – всё же заметил нашу короткую перепалку проверяющий. – Иначе баллы сниму.

Я сжала зубы и вцепилась ногтями в подстилку, ощутила тепло на щеках от злости, когда новенький перехватил жгутом мою ногу чуть выше колена, а потом приложил квадратную марлевую повязку и стал раскатывать сверху бинт. Действовал уверенно и точно, а мне, почему-то, дышать тяжело стало. Таня же застыла истуканом рядом. Вот не прощу ей такой тупости!

Потом Бахурин аккуратно уложил мою ногу ровно, примотал шину снизу бинтами, аккуратно стащил кроссовок, чтобы наложить боковые маленькие шины с обеих сторон ступни, зафиксировав её под прямым углом. Пальцам в тонком носке стало прохладно, а ещё щекотно. Я непроизвольно дёрнулась, а он вдруг сжал своими большими ладонями их. Вообще обнаглел руки распускать!

– Таня, подтяни носилки и становись сзади, – скомандовал Соколовой, которая верной собачонкой кинулась исполнять.

А дальше я вообще едва сдержала странную дрожь, когда Бахурин обхватил меня под коленями и под спиной, аккуратно приподнял и усадил на носилки. Меня это дезориентиро-

вало, и я рефлекторно ухватилась за его рукав, но тут же отдёрнула руку. Потом он отвернулся, дал знак Соколовой, и они одновременно подняли носилки, пронесли нужное расстояние и аккуратно опустили.

– Отлично! – сказал проверяющий. – Сработали на максимум! Можете готовиться к огневой подготовке.

Таня радостно запищала, повернувшись к Бахурину, тот сдержанно кивнул, а я стала срывать с себя бинты и шины. А потом ткнула их непомерно радующейся Соколовой.

– На, сложи, хоть что-то уже сделай.

Сама же быстрым шагом направилась к остальной команде, стоящей с ребятами из нашей школы. Ветерок подул и приятно прошёлся по коже щёк, которая всё ещё горела от злости и ещё какого-то странного ощущения. Как и спина, где прикоснулся новенький. Что за чёрт? Вот даже тело моё реагирует на него отвращением. Придурок.

Глава 7

После сдачи медподготовки мы так и остались на шаг впереди семнадцатой школы. Но всё изменилось, когда приступили к сдаче стрельб. Это был кошмар и провал.

Мишени, по которым каждый участник команды должен выстрелить трижды, были расставлены на расстоянии около метра одна от другой, напротив лежали матрасы, стрелять нужно было из положения лёжа. Очень неудобно, со стойки у меня лучше получается. Я старалась дышать спокойно и не нервничать, но получалось с трудом.

Первым лежал Пашка, он отстрелялся неплохо: 8–9–10, хотя мог бы и лучше. Следующим Костин Влад из 10-Б, вот он налажал конкретно, две пули просто попали в доску, даже не коснулись поля мишени, Таня тоже отстрелялась неважно. В общем, отрыв у нас с семнадцатой не просто сократился, а теперь у них был перевес.

Шестой должна стрелять я, седьмым Бахурин. Если отстреляем хорошо, то ещё есть шанс сравнять счёт. Но как тут сосредоточиться, если он лежит в полутора метрах на матрасе и невероятно меня бесит.

– Шестой! Заряжай! – выкрикнул из-за ограничительной ленты руководитель конкурса.

Я чуть вывернулась, заломила пневматическую винтовку, вставила пульку и защёлкнула дуло обратно.

– Есть! – ответила громко и чётко.

– Целься! – прилетело снова от преподавателя. – Огонь!

Я вдохнула, задержала дыхание, выровняла прицел и выстрелила. Мишень пробило на семёрке, а я захлебнулась горечью разочарования. Да, результат лучше, чем у многих из команды, но всё равно слабый. И если сейчас не возьму хотя бы дважды девятку, можно забыть даже про равный счёт с семнадцатой.

Руководитель повторил команды, я приготовилась к следующему выстрелу.

– Стреляй на выдохе, – услышала негромкое сбоку.

Я скосила глаза на новенького и едва удержалась, чтобы не пригрозить ему дулом.

– Чуть отведи вверх правое колено и сильнее прижми таз к матрасу. Локти шире – так ты компенсируешь поправку на ветер. Ты стреляешь на вдохе, когда пульс ощущается сильнее, а надо на выдохе.

Я окатила Бахуринна взглядом а-ля «тебя спросить забыла» и отвернулась. Однако, говорил он так, будто разбирается в этом. Поэтому легла удобнее, уткнула приклад в плечо, выдохнула и спустила курок. И попала в девятку!

– Давай, Златуль! – выкрикнул Пашка.

Я сделала вдох-выдох, чтобы унять разбежавшееся сердце, и подготовилась к последнему выстрелу. Снова сделала всё как во второй раз и... в десятку! Я попала в десятку! Даже если мы проиграем, я буду знать, что попыталась вытянуть команду.

Последним стрелял Бахурин. На его мишени появилась только одна широкая дырочка – в самом центре. Все три пули вошли рядом в чёрном кружке мишени, образовав одну прореху.

Странно всё это. Учёт в милиции за разбой, стреляет так, будто в спецназе служил. А вдруг он в банде какой-нибудь состоит?

От этих мыслей аж ледяная дрожь по телу пробежала.

Руководитель едва успокоил крики радости и поздравлений Бахурину от наших, в которых я, естественно, не участвовала. Военрук напомнил, что счёт у нас с семнадцатой равный и будет контрольная перестрелка. Каждая команда должна представить одного участника, который сделает пять выстрелов. И по суммарному результату баллов за эти выстрелы и определят победившую команду.

Наши, не раздумывая, выбрали новенького. От семнадцатой тоже вышел парень.

– Так нечестно! – выкрикнул кто-то из толпы зрителей. – Бахурин – победитель регионального турнира по стрельбе, чемпион области. Конечно, он возьмёт самый высокий бал!

Кто выкрикнул, было не видно, потому что народ смешался, школы больше не стояли по отрядам, все плотным кольцом обступили ограждение.

– И что? – осадил возмущающихся преподаватель. – Он ученик этой школы, значит, имеет право выступать за неё.

Строгий взгляд руководителя оборвал препирания, и они сошли на нет. Соперники легли на матрасы, когда мишени были сменены, им отдали команду приготовиться. Прозвучали выстрелы. Винтовки были отложены, преподаватель в напряжённой тишине прошёл к мишеням, чтобы посчитать баллы.

– Первая школа – пятьдесят баллов, семнадцатая – сорок шесть, – громко объявил он.

Наши взорвались криками и аплодисментами, начали слаженно скандировать: «Демид!». Вот так вот, а то что не вытяни я на основной стрельбе баллы, этого «пенальти» бы так и не было.

Жгучая досада разобрала меня ещё и потому, что теперь все на него смотрели как на бога. Великий Бахурин, чтоб его, спас команду! Круто стреляет! И вообще весь такой классный. У группы девочек из 10-А зрочки в сердечки превратились. Аж смотреть тошно.

Парни подошли, стали хлопать его по спине, пожимать руку. А этот знай себе саму сдержанность включил.

Позже, когда прошло награждение команд, поздравления от начальников штаба и учителей, что нас сопровождали сюда, полевая кухня стала раздавать всем горячий походный суп, каждая школа разложила на ещё зелёной траве покрывала, накрыла клеёнками. Все выложили у кого что было припасено с собой: бутерброды, свежие овощи, отварные картофель и яйца. Мальчики разожгли костёр и повесили кипятиться котелок с водой. Наша педагог-организатор называет это «Чай дружбы», когда каждый ученик бросает маленькую щепотку чая в котелок, а потом, когда заварится, всем понемногу разливают. Чтобы не произошло казусов, она предлагает всем взять эту щепотку из той пачки чая, что сама она и принесла.

– Ребята, расслаживайтесь, – скомандовала наша классная руководительница. – Перекусите немного, я отбегу к учителям из шестой школы.

Народ стал размещаться возле полевого «стола». Кто-то на предусмотрительно взятое одеяльце, кто-то на спортивную куртку, а кто-то прямо на траву. Мы с Таней присмотрели удобное местечко, но едва подошли туда, как рядом плюхнулась Пантелеева, ещё, как обычно, рядом примостила очередную книжку.

– Подвинься, – зашипела я на неё. Неужели незаметно, что места мало, а людей много, и мы с Соколовой целенаправленно шли сюда? – Опять разложила тут свои книжки. Ты совсем без них жить не можешь?

Пантелеева втянула голову в плечи и затравленно посмотрела на меня.

– А лучше вообще пересядь, – поддакнула Таня.

– Я просто...

– Что просто? – народ притих и смотрел на нас. Пантелеева и так забитая, не стоило её трогать, но я была так зла и взвинчена, что уже просто сорвалась на ней. – Повзрослей ты уже. Читаешь всякий бред. Неужели не понимаешь, что это всё глупости, романтические бредни о принцах и принцессах. Вырасти тебе пора уже, Соня.

Пантелеева схватила книжку и прижала к груди, судорожно вздохнула, но всхлип сдержала. Раньше её травили в классе, но потом это большинству надоело, мне было её просто жаль, и я запретила девочкам издеваться над этой блаженной. Но сейчас она попала под горячую руку. С другой же стороны, зачем вести себя как жертва? Сама виновата.

Под молчаливыми взглядами ребят Пантелеева стала неуклюже подниматься с покрывала.

– Я думаю, она может сидеть там, где хочет, – внезапно в тишине раздался голос Бахурина.

Я перевела на него яростный взгляд, а он же просто холодно и спокойно посмотрел в ответ. Соколова как-то сразу стушеввалась, а у меня, кажется, все внутренности накалились.

– Так, может, уступишь ей своё место? – я сказала очень спокойно, не позволив голосу дрогнуть.

Бахурин сдвинулся немного на покрывале, хлопнув рукой рядом.

– Соня, составишь компанию?

Пантелеева с перепуганным лицом быстро поднялась и, продолжая крепко прижимать к себе свою дурацкую книжку, перебралась под бок к герою сегодняшнего дня.

Глава 8

Сегодня я ночевала у бабушки в соседнем районе. Ей было с вечера как-то нехорошо, и она попросила приехать. Только вот учитывая, сколько пирожков она напекла, и не скажешь, что ей нездоровилось. Хитрить, видимо, удумала – соскучилась. В последнее время я совсем редко проводывала бабулю. Летом лагерь, потом началась школа. А она скучает. Как бабушка три года назад умер, она совсем тоскует, вот и идёт на хитрости, чтобы хоть немножко урвать для себя внимания.

– Златушка, ты поела?

– Да, ба, очень вкусно. Спасибо!

– Возьмёшь с собой?

– Не, бабуль, ну ты что. Что же я пирожки жареные буду есть в школе?

– Так голодно же. Ты там до сколько? Часов до трёх?

– До двух. Ничего, я же поела. В столовой чай возьму, если что.

Я чмокнула бабулю в щёку, напомнила, чтобы она выпила таблетки, и убежала на остановку. От бабушки до школы намного дальше, чем от дома, нужно на автобусе целых полчаса тащиться. Хорошо, что я взяла с собой необходимые книги и тетради, да водолазку свежую. Обычно я успеваю заехать переодеться и взять нужное, но вчера решила сразу напрямую.

И что-то я замечталась, глядя в окно, что едва не проехала свою остановку.

– Подождите! – крикнула водителю, когда автобус уже запыхтел и начал отъезжать.

Водитель недовольно выругался себе под нос, пробурчав что-то про молодёжь и наушники, а я, закинув сумку на плечо, бросилась на выход.

– Девушка, это не вы забыли? – тормознула меня какая-то бабуля уже у выхода, указывая на жуткий шифоновый оранжевый шарф, забытый кем-то.

– Нет, но спасибо!

– Девочка, шевелись! У меня расписание вообще-то.

Терпеть не могу суету и спешку! В неё как в неконтролируемый водоворот попадаешь, и создаётся ощущение, что управлять ничем уже не можешь. Я в принципе не отличалась неуклюжестью, но сегодня, видимо, не мой день, потому что каким-то невероятным образом ремешок моей сумки, соскользнув с плеча, зацепился за поручень на выходе, мне пришлось его резко дёрнуть, потому как двери уже закрывались, я и по инерции влетела в спину только вышедшего передо мной из автобуса парня.

Но, видимо, судьбе оказалось мало, и каким-то жутко-невероятным образом этим парнем оказался... именно. Бахурин.

– Куда ты так летишь?!

К его чести, сориентировался он очень быстро, и, резко развернувшись, поймал меня под локти. Иначе бы я растянулась прямо тут на остановке, на виду у стольких людей. Но, учитывая наши взаимоотношения, лучше бы так и произошло. Ну почему он? Что за ирония?

Обретя устойчивость, я вырвалась из крепких ладоней. А вот сумка моя многострадальная шмякнулась на пол, кнопка на нахлёсте расстегнулась, и учебники и тетради вывалились на асфальт. Мне захотелось разрыдаться и затопать ногами. Я обязательно так и сделаю, но не при Бахурине, конечно.

Я быстро присела и засунула всё обратно, не успев поднять только одну книжку, потому что её как раз он и поднял. Уставился на обложку, а потом насмешливо приподнял бровь.

– «Анжелика – маркиза ангелов»? Вот так вот, оказывается. А как же «это всё глупости и романтические бредни, тебе пора повзрослеть»?

Стало невыразимо неприятно и даже стыдно. На самом деле, я и правда так думала раньше, действительно смеялась с такого сильного увлечения Пантелеевой любовными романами. Да что там увлечения, она живёт в них, бредит ими. Это глупо и смешно.

Но просто однажды, будучи у бабули, я скучала и нашла у неё в серванте серию книг. От скуки решила прочесть пару страниц и так увлеклась, что забрала том и теперь беру его к ней и дома читаю. Книга ведь и правда классная.

– А ну, отдай! – попыталась выдернуть книжку, но Бахурин отвёл руку вверх, а потом чуть отвернулся и зашагал в сторону школы, на ходу раскрыв книгу.

«Он обвинил сильной рукой её талию и крепко прижал к себе, а она вспомнила ту их ночь, когда он овладел ею...» – прочитал вслух первые попавшиеся строки.

– Бахурин, ты совсем, что ли? Верни книгу! Она вообще не моя, ясно?

– Ага, – он остановился и повернулся ко мне, криво ухмыльнулся. – Ты вообще знаешь, что значит это «овладел»?

– Да пошёл ты! – я толкнула его в грудь, но он только расхохотался.

Господи, как же повезло, что вокруг, кажется, не было никого из нашей школы. Сказочно прямо.

– Держи, Маркиза, – он захлопнул книгу и протянул мне, насмешливо взглянув. – Ты чем-то даже похожа на главную героиню: такая же эмоциональная и несдержанная.

– Иди, Бахурин, своей дорогой, – я сцепила зубы от злости, выдернула книгу из его рук и, обогнув зарвавшегося придурка, быстро зашагала к школе.

Неужели новенький правда думает, что сделал меня? Пора, наверное, подумать и о более серьёзных мерах в его отношении. Он своё получит сполна. Или не я Злата Королёва.

* * *

Однако же в последующие дни моему спокойствию восстановится была не судьба. И если до этого Бахурин меня просто раздражал, то теперь я стала его уже ненавидеть. Несмотря на все мои усилия, он стал приобретать среди народа всё больший авторитет.

После победы нашей команды на «Зарнице» я только и слышала: «Демид такой классный», «Бахурин из 11-Б просто секси», «Дём – настоящий мужик» и прочие восторги. При мне, видя моё недовольство, большинство затыкались, отчего становилось ещё более неприятно, будто кто-то чего-то не договаривает.

А сегодня, оказалось, у него день рождения, и прокатился слух, что Бахурин приглашает народ к себе на дачу. Не думаю, что многие пойдут, всё же он ещё тёмная лошадка для большинства.

После уроков я зашла в магазин и купила ватман. Мы с Таней вечером планировали начать, а может, даже и завершить работу над пригласительным плакатом к осеннему балу, что скоро состоится. В этом году решили провести не традиционный конкурс «Мисс Осень», а «Осенняя пара». Я буду ведущей, как победительница «Мисс Осень» в прошлом году, и многое по организации, в том числе большой пригласительный плакат – на мне.

Я постаралась закончить с уроками уже к пяти, потому что с Соколовой договорились на шесть. Но в половину она позвонила и сказала, что прийти не сможет. Её мама вынуждена уехать к бабушке в другой район города, и Тане нужно присмотреть за маленькой сестрой. Мы как-то пробовали рисовать новогодний плакат, одновременно приглядывая за малышкой, но это оказалось невыносимо. Девочка постоянно требовала к себе внимания, утаскивала карандаши и краски и даже порвала нам ватман, а на меня перевернула стаканчик с цветной водой. Так что лучше уж я как-то сама.

На следующий день педагог-организатор отпросила меня с первого урока для репетиции, а когда я вернулась в класс, увидела, что девчонки что-то смотрят на Настином цифровике и хихикают.

– Над чем зависли? – я подошла к своему столу и поставила на него сумку, отчего Соколова как-то вздрогнула и суетливо стала поправлять учебники и тетради на своей стороне.

– Ладно, девочки, а то уже звонок сейчас...

Я переклонилась и тоже заглянула в небольшой экранчик на обратной стороне Настиного фотика. Там шла запись, на которой компания молодёжи весело проводила время в какой-то комнате. Хоть звук был сделан негромкий, всё же были различимы крики, шум, звуки гитары. А потом в кадр крупным планом попал Бахурин, а на коленях у него сидела Таня и громко подпевала Виденину, что мучил гитару.

– А сестру, я так понимаю, ты с собой брала? – внутри меня закипела злость и ядовитая обида, но мне удалось сдержать порыв стукнуть Соколову учебником по голове.

– Злат... – Таня побледнела, и я заметила, как задрожали у неё губы.

Но тут прозвенел звонок, и в класс вошла учительница. Я отвернулась к доске, игнорируя подсунутый мне под тетрадь листок с надписями. Похоже, Соколова забыла, кому она обязана статусом и своим положением в школе. Придётся напомнить.

Глава 9

– Думаешь, ты лучше других? – Соколова сложила руки на груди и сузила глаза. Опять пытается зеркалить меня. – Почему ты считаешь, что все должны делать, как скажешь ты?

На уроках сегодня я демонстративно ставила рядом с собой на свободный стул портфель, тем самым давая ей понять, что не хочу с ней общаться. Таня дождалась конца уроков, а потом нагнала меня за школой, когда мы с Настей уже выходили за ворота. Сказала, что хочет поговорить, на что я ей предложила начать прямо там.

– Я не прошу делать по-моему, но я терпеть не могу, когда мне врут.

Для того, кто догнал меня, чтобы высказать претензии, Таня уж как-то слишком сильно нервничала.

– Чем он тебе так не угодил – Бахурин? Тем, что проигнорировал твоё королевское величество, Злата? Не упал в трансе на колени перед королевой?

– Таня, тебе вообще что нужно? Ты догнала меня, чтобы сказать, как сильно не хочешь видеть? Может, пойдёшь уже к своему Бахурину? Уверена, он тебя очень ждёт. Вон, посмотри, как весь извёлся.

Я кивнула в сторону бокового выхода из здания школы, где на ступенях сидели парни из «Б» класса. Соколова тоже обернулась, вот только в этот момент к парням подошли две девочки из десятого, и одна из них наклонилась и поцеловала в щёку новенького. Таня резко развернулась снова ко мне, на её щеках выступили алые пятнышки. У неё так всегда, когда она злится или сильно расстроена. Только мне сейчас до этого дела нет. Она лгунья и предательница.

– Ну? – я тоже сложила руки на груди и подняла бровь. – Что-то ты не торопишься.

Настя Белова рядом притихла и с интересом наблюдала за нашей перепалкой. С ней мы тоже дружили ещё с четвёртого класса, когда нас переформировали зачем-то всех. Но она всё же как-то немного сама по себе.

– А может ты так злишься, потому что сама на него глаз положила?

– У нас момент оригинальных предположений? – я рассмеялась. – Нет, Таня. Криминальные элементы и уголовники меня не интересуют. Я бы и тебе советовала держаться подальше, но ты взрослая девочка, и сама можешь выбирать себе друзей и парней, чего уж.

Соколова подавилась ответом и посмотрела на меня широко распахнутыми глазами. Настя тоже подняла брови. В этот момент я как-то рефлексивно бросила взгляд на компанию на ступенях. Они довольно далеко, разговоры ни наши им не были слышны, ни их нам. Но буквально на секунду Бахурин вдруг поднял глаза и тоже посмотрел на меня. Внутри стало как-то неприятно. Но, с другой стороны, что такого я сказала? Разве соврала?

– Ты о чём? – вклинилась Белова.

– Ни о чём.

– Да врёт она всё, – хмыкнула Соколова, но уже не так напористо и уверенно. – Разве не видишь, Настя? На ходу бред придумывает.

– Ты же знаешь, Таня, я никогда не вру. Даже когда хочется. В отличие от тебя.

Разговор этот надоел как горькая редька, захотелось быстрее убраться отсюда. Да и пора уже. На завтра задали огромное количество уроков, а ещё пора начинать думать над сценарием осеннего бала.

* * *

Хватило Соколовой и её независимости, преисполненной гордого одиночества, ровно на два дня. На следующий день мы классом стояли в коридоре под кабинетом информатики и

ожидании учителя, когда 11-Б вышли из соседнего от математички. Соколова было сделала шаг в сторону новенького, но он ей лишь кивнул, а сам приобнял за шею Лену из их класса. Не могу сказать, что я порадовалась Таниному жестокому облому, но этого же следовало ожидать, неужели она не понимала?

В тот и следующий день Соколова ходила как в воду опущенная, а вечером пришла ко мне домой вся в слезах.

– Златуль, прости! Он и правда козёл. Пожалуйста, мы можем поговорить?

– Я не буду обсуждать с тобой твою безответную страсть к придурку-новенькому, – я сложила руки на груди и оперлась о косяк двери.

– Хорошо, как скажешь, – Таня шмыгнула носом и с надеждой посмотрела на меня. – Давай просто вместе поучим уроки. Или сценарий доделаем.

Я отошла в сторону, пропуская Соколову в квартиру. Видела, что до чесотки хотелось поговорить о том, о ком я запретила. И облегчать ей душу мне не хотелось. В мою-то она плюнула. В первую очередь даже не тем, что обжималась с тем, с кем я по-дружески просила не общаться, а тем, что так отвратительно мне наврала. Ещё и с плакатом подставила. Я даже жалеть начала, что решила помириться с ней.

На следующий день третьим уроком была физкультура. В этом году она у нас спаренная с «Б» классом. Обычно, когда на физ-ре встречаются два класса, это вызывает трудности. Спортзал-то огромный, а вот раздевалки тесные. Но в данном случае проблем нет, 11-Б состоит только из восьми человек, так что особой давки в раздевалках нет.

За минуту до звонка из мужской и женской раздевалок высыпали ученики под дверь спортзала. Никому не охота тридцать раз приседать за опоздание. Начали как обычно с построения по свистку и приветствия. Затем разминка бегом по кругу в зале, упражнения на середине. Всегда находится кто-то, кто хихикает с упражнений на вращение таза. Хотя о чём это я? Виденин. Всегда он. Придурок озабоченный.

Вообще-то, физкультура у нас проходит в первой четверти на улице, но сегодня с самого утра лил дождь. На стадионе стоят лужи, а дорожка от него к школе превратилась в месиво. Поэтому, в качестве исключения, сегодня мы занимаемся в спортивном зале.

После разминки стало жарко, и я сняла спортивную мастерку, положила её на лавочку, стоящую под стеной. Перехватила чуть выше волосы, чтобы не мешали во время игры, о которой объявила учительница. Она стала выбрасывать из тренерской в зал баскетбольные мячи. Потом разделила нас на несколько команд, сказала построиться в колонны и каждой колонне работать на своё кольцо для разминки. Всё просто: ведём мяч, обходя стойки, двойной шаг и бросок в кольцо.

С баскетболом у меня, в принципе, дела нормально. Не то что с волейболом. Не сказать, что я супер спортсменка, но вроде бы как неплохо получается забрасывать мяч, да и двойной шаг тоже удаётся в отличие от многих девчонок.

– Вторая и третья колонны работают на центральное кольцо, первая и четвёртая – на боковые, – командовала Елена Борисовна и дала сигнал свистком начинать.

Я повела мяч со второй колонны, в третьей шёл Бахурин. И, видимо, слишком разогнался в прыжке, потому что когда я бросила свой мяч в кольцо, то он налетел прямо на меня, и мы едва не упали.

– Больно вообще-то, – я потёрла ушибленную его локтем руку.

– Извини, – буркнул скорее для вида, а потом ещё и не забыл съязвить. – Ну ты же видишь, куда бежишь? Или очерёдность не для тебя, Маркиза? Сама подлезла.

– Тебя забыла спросить. И прекрати так называть меня!

– Это ещё почему? Хочу и называю.

Меня взяла такая злость, что я не сдержалась и швырнула в него свой мяч, а потом ещё и выстрелила средний палец. Обычно я так не делаю, это грубо и некрасиво, но сейчас мне было плевать. А потом развернулась и прошла к лавочке.

– Королёва, что случилось? – подошла учительница.

– Столкнулись. Рука болит, я посижу немного.

Она кивнула, а потом и вовсе остановила тренировку, велела всем девочкам сесть на лавочки, а парням разделить на две команды и начать уже игру по правилам.

– Ты как? – рядом плюхнулась Белова.

– Жива. Но преисполнена ненависти.

Настя прыснула и вытянула уставшие ноги.

– Злат, а то, что ты тогда Тане сказала, что новенький – уголовник, правда?

– Насть, забей.

Я стала внимательно наблюдать за игрой, давая тем самым понять, что разговор окончен. Настя пожалала плечами и тоже стала следить за парнями. Соколова тоже села рядом, но ничего не сказала, а потом её позвала Елена Борисовна, вручив какую-то бумажку и отправила отнести это в столовую.

Игра началась довольно жаркая. Обе команды были примерно одинаково сильными. В одной отлично играли Пашка и придурок Виденин, во второй вытягивали Лёша Самойлов и, куда уж без него, Бахурин. Прямо звезда, ни дать ни взять.

Счёт был одинаковый, но Пашка забил трёхочковый. До конца урока оставалось немного, и учительница объявила, что даёт четыре минуты, а потом пора заканчивать. Девчонки на лавочках начали перекрикивать друг друга, крича «Давай!» той команде, за которую болели.

Я так и не поняла, кто забил в кольцо, потому что возле дальних ворот сгрудились парни из обеих команд. Прозвучал громкий свист, и Елена Борисовна объявила ничью и конец игры.

Парни громко начали спорить. Пашка обтёр вывернутой футболкой мокрое от пота лицо, Бахурин взлохматил влажные волосы, а потом и вовсе стащил майку и обтёр ею лицо и виски. Ну надо же, стриптиз тут устроил, что девочки многие аж перешёптываться начали. Их обоих с Пашей подозвала учительница.

– Ух ты, кубики, – хихикнула Белова как раз, когда рядом со мной вдруг приземлилась эта самая майка Бахурина.

Ещё бы в лицо мне швырнул.

– Упс, – я пожалала плечами и всего лишь слегка качнула бедром.

Ну а что, нечего так неаккуратно разбрасывать вещи, вот они и падают в ведра с водой, которой полы помыли.

– Оуч, Злата, – Настя выкатила глаза. Да и не только Настя. – Это уже точно война.

– А я что? Она просто упала. Сама, – прозвенел звонок, и я первой поднялась с лавочки. – И это уже давно война.

Через минуту учительница открыла раздевалки, и мы вошли, чтобы переодеться. Я отвлеклась на сообщение от мамы, быстро набила ей ответ, сообщив, во сколько у меня сегодня закончатся уроки, и что к бабуле не успею. Девочки многие уже переоделись.

– Поторопись, Злат, – в раздевалку вошла Соколова. – Нам с тобой ещё к завучу по воспитательной надо зайти перед русским.

– Иду!

Я быстро стащила спортивные штаны, аккуратно натянула капроновые колготы, сняла футболку, зацепив случайно резинку для волос. И только взяла в руки водолазку, как друг дверь распахнулась. Даже не обратила внимания, почему вдруг все замолчали.

– Выйдите все.

Прозвучало негромко, но с яростной угрозой. Я резко обернулась, прижав так и не надевшую водолазку к груди. Посреди узкой раздевалки стоял Бахурин и сверкающими злостью гла-

зами смотрел прямо на меня. А в руках держал ту самую мокрую грязную майку. Я настолько была шокирована тем, что он ворвался в женскую раздевалку, что просто онемела.

– Демид, ты совсем, что ли? – в тишине сказала Лена из 11-Б. – Это женская раздевалка. Выйди.

– Я попросил всех выйти, – он сказал уже чуть громче. – Свалите быстрее.

Кто-то кашлянул, кто-то вздохнул, но все девочки вдруг стали собирать быстро свои вещи и толпиться к выходу. Все, кроме меня. Потому что, во-первых, я стояла полураздетая, а во-вторых, он пригвоздил меня взглядом, ясно давая понять, что меня это распоряжение не касается.

Даже Соколова что-то тихо проблеяла, что подождёт в коридоре, и испарилась. Предала меня в очередной раз, оставив в таком виде одну с разъярённым парнем.

Глава 10

Я ощутила, как по спине пробежала волна неприятных мурашек. Какой бы смелой я ни была, этот парень без башки. Он вломился в женскую раздевалку, всех выгнал и теперь стоит в метре от меня и смотрит прожигающим взглядом. И что-то мне подсказывает, что никто из девочек не решится позвать учителя.

Я же от шока просто остолбенела. Замерла и даже слова из себя выдавить не могла.

– Надевай, – Бахурин протянул мне свою мокрую грязную майку.

– Не буду.

Ответила твёрдо, но пришлось сжать зубы, чтобы он не увидел, как у меня дрогнул подбородок. Пальцы, которыми я со всей силы сжала у груди так и не надетую водолазку, начали неметь.

– Быстро, – парни никогда не разговаривали со мной таким тоном, насквозь прошитым сталью.

– Нет.

– Иначе я надену на тебя это сам. Но сначала сниму то, что на тебе.

– Да пошёл ты, Бахурин, – я ощутила, как вспыхнула кожа на моих щеках.

Стало страшно. Он же уголовник, с него станется сделать как сказал. Позор какой! А я ведь даже закричать не могу, позвать на помощь. Горло сдавило словно клещами. Перед глазами поплыли картинки, как на мой крик сюда врывается толпа, а я стою тут голая в грязной мокрой тряпке. Тогда уж лучше сразу забрать документы из школы и вообще переехать. Или умереть, если на месте от стыда не умру.

Бахурин сделал шаг вперёд, а я отшатнулась назад, но упёрлась спиной в холодную стену. Дыхание сбилось, и мне пришлось вдохнуть через рот. Бахурин чуть наклонился, упёршись одной рукой в стену. Слишком близко. Настолько, что я ощутила на лице его дыхание. Снова тот же запах мятной жвачки.

– Ты, наверное, меня не поняла, Маркиза, – он зажал между пальцами прядь моих волос и протянул по всей длине, скользнув взглядом по обнажённому плечу. – Я не принц и не джентльмен, который будет играть в твои игры. Я обижаю девочек и делаю им больно, если они этого заслуживают. А иногда, когда и не заслуживают. А уж такую стерву, как ты, мне и подавно не жалко.

– Я поняла, что ты без принципов и тормозов, – нельзя позволить ему запугать меня окончательно. – Что дальше будешь делать? Зажмёшь мне пальцы дверью? Что там обычно делают такие, как ты?

– Такие, как я?

Уголовники. Бандиты. Преступники.

Но вслух я ни одно из этих определений озвучить не решилась, а потому просто промолчала.

– Такие, как я, таким, как ты, не пальцы ломают, Маркиза, – он наклонился и прошептал прямо мне в ухо. – Так что тебе стоит фильтровать свои действия и высказывания. Я же тебя уже предупреждал. Не играй с огнём – можешь сильно обжечься.

Бахурин оттолкнулся рукой от стены и сделал шаг назад, а потом бросил мокрую майку на мою сумку.

– Постираешь и выгладишь, а завтра принесёшь. И давай без твоих интриг, Маркиза, не заставляй меня «ломать тебе пальцы».

На последних словах он нагло подмигнул и вышел из раздевалки, хлопнув дверью. А я судорожно выдохнула сквозь стиснутые зубы и прикрыла глаза. Чёртов новенький! Ненавижу!

Едва разжав онемевшие пальцы, я натянула водолазку и юбку, кое-как справилась с молнией, которая, как назло, заела, пригладила волосы. Нужно сперва отдышаться, чтобы глаза так не сверкали, а щёки не пылали. Чёрт подери всех этих любопытных, что будут пялиться, стоит мне выйти из раздевалки!

Схватив ненавистную футболку Бахурина, я сперва швырнула её об стену, но потом скомкала и запихнула в пакет со своими кроссовками.

Когда вышла из раздевалки, девчонки встретили молчанием, кто-то опустил глаза, остальные замерли в ожидании того, что я скажу. А мне так противно стало. Дуры лживые. И вот с ними я столько лет в одном классе проучилась.

– Злат, я уже сама к завучу ходила, – Соколова протянула какой-то листок. – Вот она обозначила основные моменты в сценарии, говорит, что обведённые карандашом пункты – обязательны, остальное как рекомендация.

И если на других волной поднялась неприязнь, то Татьяну мне просто захотелось стукнуть. К завучу она ходила, когда меня в раздевалке полуголую зажал с угрозами уголовник. Даже не потрудилась учителю сказать, не то чтобы вступить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.